

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Романтика С ДЕТЕКТИВОМ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЮЛИЯ ЛИСТ

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

Юлия Лист
Галина Владимировна Романова
Елена Ивановна Логунова
Евгения Михайлова
Татьяна Витальевна Устинова
Анна и Сергей Литвиновы
Романтика с детективом
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70271386

Романтика с детективом. Сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-197989-8

Аннотация

Что может быть прекраснее любви? Ей, как сказал поэт, все возрасты покорны. И все литературные жанры тоже! Отечественные мастера остросюжетной прозы не остаются в стороне – в их коротких детективных историях именно любовь становится катализатором загадочных и удивительных событий, в которых предстоит разобраться отважным очаровательным героям. В новый сборник вошли детективные рассказы

популярных авторов – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, и других известных писателей. Самые сильные чувства и яркие эмоции на страницах этой замечательной книги!

Детективный рассказ требует от автора высшего мастерства, ведь закрутить интригу, расследовать преступление и разоблачить преступника надо всего на нескольких страницах. Этим даром блестяще владеют популярные писатели, чьи рассказы входят в сборники из серии «Великолепные детективные истории». Наслаждайтесь новыми гранями их таланта!

Сборник включает уже ранее опубликованные рассказы

Содержание

Юлия Лист	7
Татьяна Устинова	41
Анна и Сергей Литвиновы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Юлия Лист, Татьяна
Устинова, Анна и Сергей
Литвиновы, Евгения
Михайлова, Елена
Логунова, Галина Романова**
Романтика с детективом
Сборник

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Юлия Лист

Поиграем в мафию

Официант, держа в одной руке поднос, аккуратно сдвинул на столике мотоциклетный шлем Эмиля и поставил перед ним высокий прозрачный стакан, наполненный черным фильтр-кофе, а перед Верой ярко-оранжевый лимонад в запотевшем бокале с долькой мясистого апельсина.

– Молчит. Подождем еще, – недовольно пробубнил Эмиль, открыв мессенджер на телефоне. – Ты не торопишься?

– Куда я могу торопиться в этом городе? – ответила Вера, сделав первый глоток с закрытыми глазами, и с наслаждением выдохнула. Холод ледяным облаком поднялся к переносице, ударил в лоб, распавшись мириадами льдинок по всей голове. Она не сдержала блаженного стона.

Конец июня выдался особенно жарким. Это первое лето Веры в Париже. Кто мог подумать, что во Франции может быть так одуряюще жарко! И это несмотря на то, что днем прошел ливень, а сейчас солнце уже село.

Жизнь города кипела. Горели вывески магазинов и кафе, желтыми прямоугольниками сияли окна домов, фонари подсвечивали развесистые кроны платанов и каштанов. Мимо окон кафе, огибая столики на тротуаре, прошла яркая толпа

туристов с фотоаппаратами, возглавляемая милой старушкой-гидом в красной беретке, промчался мотоцикл, следом вереница такси. Вдали над полотном крыш синим посверкивал кончик Эйфелевой башни.

В шумном мегаполисе как нигде была ощутима радость лета, вечера самого романтического города в мире, напоенного запахами речной воды, свежеиспеченных багетов, нагретого камня и вина, которое все здесь неспешно попивали, сидя на верандах или прямо на тротуарах за маленькими круглыми столиками.

Вера и Эмиль сидели в скромном кафе в центре улицы Пон Луи-Филипп. Кафе в стиле лофт «Ле Пелотон» с незамысловатым белым фасадом и высокими панорамными окнами, позволяющими обозревать публику, которой не досталось места внутри. Вовсю работал кондиционер, столики напоминали огромные катушки из-под ниток из светлого неотесанного дерева, стулья – железяки, выкрашенные в кислотный желтый. За полукруглой барной стойкой теснились люди, бармен едва успевал молоть кофе, выжимать из апельсинов сок и так отчаянно гремел кубиками льда, что заглушал работающий телевизор, висевший в углу.

Эмиль опустил локти на край стола и, прищурившись, наблюдал за теми, кто занял столики по ту сторону витража, на тротуаре в тесном соседстве с длинным рядом припаркованных велосипедов и байков.

– Что скажешь о том типе в черном? – спросил он, сделав

движение подбородком.

Вера обернулась, кинув взгляд на молодого шатена в черной футболке за стеклом, который молча слушал девушку в открытом летящем платье «миль флер», копна ее золотистых кудряшек распалась по плечам до пояса. С сияющим лицом и очень живо жестикулируя, она что-то ему рассказывала.

– Они похожи на нас с тобой. – Вера улыбнулась. Отпив глоток лимонада, она заложила за ухо растрепанную прядку русых волос и поправила складки сарафана. – Я тоже вечно что-то тебе рассказываю, а ты продолжаешь резаться в игрушку на телефоне или смотришь в одну точку, давая понять, что нацелен думать о своем.

– Нет, – отмахнулся Эмиль, – что скажешь о нем как о личности? Сможешь составить психологический профиль, наблюдая, как он общается со своей девушкой?

– Она не его девушка. Они друзья, учатся или работают вместе.

Эмиль отправил Вере тяжелый взгляд-просьбу не придирается к словам.

– Скажу, что твоя мания всех делить на архетипы мешает тебе глубже смотреть на людей. Человек внутри гораздо красочней, чем могут рассказать о нем таблицы. А его ты отметил первым, потому что он такой же мрачный, как ты, паранойял или шизоид... Нет, скорее, паранойял, помешанный на какой-нибудь идее, живущий в вечном страхе разоблачения или предательства. Вместо того, чтобы слушать свою ми-

ловидную собеседницу и наслаждаться романтическим вечером, он, видимо, обдумывает какие-то темные делишки.

– Жестоко, – усмехнулся Эмиль, достал из переднего кармана джинсов маленькую баночку с лекарством и высыпал на ладонь две капсулы.

– Ты чувствуешь к нему ревность? Зависть? Конкуренцию? – Вера отпила лимонад и зажмурилась, как кошка. Этим вечером совершенно не хотелось думать.

За целый рабочий день, который она провела за опросными беседами в профайлинговом агентстве Эмиля, ей надоело видеть в людях схемы и графики, делить их на типы и виды. Хотелось просто пить лимонад, дышать пряным воздухом вечернего Парижа и мечтать о чем-нибудь приятном и романтичном!

Но шеф, как истинный паранойял, не мог позволить себе расслабиться даже после тяжелого трудового дня. Даже сейчас, пока они просто сели передохнуть и дождаться сообщения от начальника уголовной полиции – его дяди, с которым они часто сотрудничали, Эмиль думал о работе.

На отповедь Веры он ничего не ответил, молча закинул лекарство в рот, запив капсулы большим глотком кофе. После того как хирурги чудом вернули его с того света после ранения, он сидел на обезболивающих, самостоятельно назначая себе дозировки прописанных врачами лекарств.

Никто бы никогда его не принял за частного детектива и бывшего полицейского и уж тем более не догадался, что

Эмиль криминальный аналитик, профайлер и бывший оператор детектора лжи. Черные, крашенные иглы волос, то ли от отсутствия шампуня, то ли от обилия укладочного средства, торчали во все стороны, в мочках ушей – тоннели, мятая черная футболка с изображением его любимого аниме-персонажа по имени Эл из «Тетради смерти» и причудливые изгибы татуировок на жилистых руках и шее. За стеклом витража рядом с велосипедами и байками стоял его мотоцикл – черный, блестящий «BMW» «RR», на котором он гонял по городу, рискуя своей жизнью и жизнями пешеходов.

– Вообще-то, – скривился Эмиль, – моя теория об архетипах была принята префектом, и ее на прошлой неделе запатентовали как одну из самых успешных методик типизации преступников и их жертв. Я работал над ней пять лет, а ты пытаешься поднять меня на смех. Некрасиво.

Он попытался быть серьезным и казаться обиженным. Но Вера за год знакомства быстро вычислила, что единственный его способ коммуникации с людьми – это смесь иронии и едкого сарказма.

– Типизации Леонгарда нам вполне хватало. – Она сморщила нос. Но эго потянулось защищать свой диплом психолога. – Старые добрые «гипертимный тип» и «шизоид», «эпилептоид» и «тревожно-мнительный», «эмпат»... Этого вполне достаточно, чтобы, раздав людям ярлыки, пытаться понять, кто есть кто. Можно еще и Личко вспомнить. Он подробнее.

Напрасно она это затеяла. У Эмиля загорелись глаза.

– Дело в том, что про типизацию Личко, которого я лично очень уважаю, во Франции не знают. – Он склонился к ней. Зрачки пылали. – Типология Леонгарда ближе, но все равно для одних звучит как китайская грамота, для других – лишь ярлыки: этот – шизик, этот – эпилептик, а этот – истеричка. Эти слова понятны лишь нам с тобой. Простые полицейские – а они в основном эпилептоиды – люди с базовой потребностью статуса, власти, часто с ограниченным IQ, да и следаки тоже, основная масса...

– С ограниченным IQ? – остановила его Вера.

Эмиль скривил лицо.

– Ладно, скажу мягче: с топорным мышлением. В полицию идут мериться членами! Никто особо не горит желанием изучать психологию, и уж тем более вникать в то, что такое акцентуации характеров. А между прочим, в каждом из нас есть чуточку от шизоида, чуточку от эмпата, и убийцами нас могут сделать смещения акцентуаций. В школе полиции этому не учат. Ну, может, вскользь.

Вера нахмурилась и, чтобы скрыть тот факт, что Эмиль прав, схватилась за бокал и спрятала за ним половину лица, прижав холодное стекло ко лбу. Ну почему он не может просто расслабиться? Как можно жить в Париже и все время думать про убийства и преступность!

– Им нужны понятные термины, понятно объясненные, – завелся шеф. – Типология Юнга устарела. Полицейским не

объяснишь, что такое анима и анимус, типология Кэрол Пирсон тоже устарела. С лохматого восемьдесят шестого мир узнал о киногороях Marvel, DC и о Гарри Поттере. Мы стали мыслить новыми категориями, их нужно учитывать. Мне понравились архетипы, которые чаще всего используют русские: принцессы и маги, ведьмы. Это у них я взял идею заняться корпоративным профайлингом.

– Ты зациклен на своих русских корнях.

– Допустим. Не в этом дело. Их архетипы больше подходят им – русским. Ты же знаешь, что большинство славян, в силу своего этноса, – эпилептоиды.

Вера кивнула. Эпилептоид ей всегда напоминал генерала из «Такси-2», капитана Смоллетта и персонажа Булдакова из «Особенностей национальной охоты».

– Мы, жители западной Европы – истероиды, люди с базовой потребностью удовольствий, красоты, сексуальности. Мы умеем веселиться, прожигать ресурсы, привезенные из колоний, мостить бульвары, возводить дворцы, расписывать потолки и стены капелл. Мы – это Казанова, маркиз де Сад, Микеланджело, Мадонна и Мэрилин Монро. Все европейские столицы мира – музеи под открытым небом, потому что мы знаем, как тратить бабло и где его добывать не всегда законным образом. Поэтому нам нужны свои архетипы.

– Хорошо. Тогда к какому архетипу ты бы отнес... скажем, собеседницу того шатена? – спросила Вера, по-прежнему пряча лицо за бокалом лимонада и не теряя надежды

отвлечь шефа от работы.

– «Всеобщая любимица» – вечное дитя, девочка-припевочка. – Эмиль бросил на девушку презрительный взгляд. Та откинула длинные до пояса кудрявые волосы и продолжала что-то рассказывать мрачно молчавшему парню с выражением лица Раскольникова. – Русские назвали этот архетип «принцессой». Такие получаются в счастливых семьях. В школе хорошо учатся, учителя в них души не чают, у таких всегда много подружек, лакомый кусок любого парня. Но! Они восприимчивы к чужой боли, вечно стремятся помочь всем и каждому. Это они собирают больных котят и могут отдать последние деньги мошенникам. И нередко впадают в депрессивные эпизоды. Такие становятся жертвами серийников чаще всего. Вспомни «Коллекционера» Фаулза. Типичная Миранда.

– Хм. – Вера поставила бокал на стол. – Ты читал «Коллекционера»?

– Надеюсь, ты понимаешь, что и сама попадаешь под эту категорию? – Эмиль уронил локоть на стол, ухмыльнувшись.

Вера вздернула брови, четко осознавая, что явила на лице классические признаки эмоции удивления: расширенные глаза, округлившийся рот и вспыхнувшие щеки. Эмиль посмотрел на нее с усмешкой, взял телефон и быстро щелкнул камерой.

Она недовольно нахмурилась, отпрянув на спинку стула и скрестив руки на груди. Эмиль пытался отучить ее прояв-

лять слишком яркие эмоции и грозился, что будет снимать ее на телефон. Теперь он постоянно так и делал – стоило ей удивиться или обрадоваться, он тотчас фотографировал ее и заставлял анализировать собственное лицо, чтобы лишний раз ткнуть носом в то, как Вера щедро транслирует свое душевное состояние.

Навалившись на стол, он сунул экран ей под нос.

– Большие карие глазки, ротик буквой «о», соблазнительно приоткрытый, а еще эти светлые прядки волос – кукла Барби, не иначе. За год ты дважды стала жертвой психопата!¹

– Наверняка ты слышал про виктимблейминг, – съязвила Вера.

– Можно бесконечно продолжать защищать права жертв. Это даст плоды когда-нибудь в будущем. А сейчас нужно уметь за себя постоять и быть хоть сколько-нибудь осмотрительной. В архиве полиции Франции не наберется и нескольких десятков серийных убийц – лично я знаю ровно сорок шесть дел, датированных с девятнадцатого века. А ты за несколько месяцев успела словить двух! Двух маньяков на вот это личико «принцессы»!

Он скривился, попытавшись утрированно изобразить ее удивление.

– Сорок шесть дел? Всего? За сто лет? – удивилась Вера,

¹ Подробнее читайте об этом в романах Юлии Лист «Ты умрешь красивой» и «Ты умрешь влюбленной».

не обращая внимания, как Эмиль зло зашипел, вытянув в ее сторону палец, когда она опять приподняла брови. – Не может быть!

– В США профайлеры ФБР из отдела поведенческого анализа занимаются только серийниками. Этот отдел нарочно был создан, еще в семидесятых. Агенты Джон Дуглас – ты читала его книгу «The killer across the table» – и Роберт Ресслер создали базу данных по серийным убийцам, объехав для этого все тюрьмы всех штатов. В Европе же ничего такого нет и в помине. – Он раздраженно откинул локоть на спинку стула.

То ли таблетки делали его таким нервным, то ли он переживал, что не пишет его дядя. Кристоф должен был прислать человека для какого-то нового дела, о котором Вера еще ничего толком не знала. Эмиль опять проверил телефон, отбросил его на стол и стал смотреть в окно.

– Никогда не придавала этому значения, – проговорила Вера. – Хотя, ведь какой сериал «Нетфликс» про ФБР ни возьми, их агенты действительно ловят только маньяков и серийных убийц. Думала, это такой штамп... Кому интересно смотреть, как студент ударил топором старушку? – Вера попыталась пошутить, но серьезность шефа было ничем не сдвинуть.

– Нет, какой студент, о чем ты! Отдел поведенческого анализа ФБР интересуют только серийные убийцы. И вылетают они на дело лишь после того, как выяснится, что работал

именно серийник, – с сожалением бросил Эмиль. – Смотрела бы ты поменьше сериалов, тем более «Нетфликс»! Нет там правды. Если ФБР отпускает дело в СМИ, оно само пишет его четкий сценарий, корректируя факты, меняя имена, едва ли не полностью всю суть! Даже тру-крайм про Джеффри Дамера и Теда Банди сильно отредактированы сотрудниками федеральной службы... Или ты думала, они щедро разбрасываются таким материалом? В общем, мы здесь, за океаном, по-другому работаем. И поэтому нам нужна другая типологизация. Кажется, что у нас меньше серийников, но только потому, что никто не пытается связывать дела в серии. А сколько висяков из-за этого! Серийные убийцы иногда завязывают, часто накладывают на себя руки, оттого что перестают получать кайф от смертей, и их убийства остаются нераскрытыми. Кажется, что во Франции много одиночных преступлений бытового характера. Больше студентов, сгорая лупящих топором старушек, чем Ганнибалов Лектеров, четко продумывающих свои преступления. А что на деле, никто не узнает, если действовать не по накатанной, а пытаться корректировать. Полицейским нужны четкие структуры в головах, кого они ловят и зачем. И база не помешает...

– Ты считаешь меня «всеобщей любимицей»? – предприняла Вера еще одну попытку сменить тему.

– Ты эмпат, эмотивный тип. – Эмиль безнадежно махнул рукой.

– По-твоему, я совершенно бесполезна в бюро? Разве только постоянно служить приманкой для маньяков, – обиделась Вера.

Эмиль нахмурился и отвел глаза. Все чаще он испытывал стыд при упоминании о том, как безбожно использовал напарницу, потакая общению с лицами, которых подозревал в убийствах. Ругать ее за искренность, веселость, открытость он стал только теперь, но еще полгода назад сам же и толкнул в объятия психопата.

– Не бесполезна, – буркнул он, – напротив. Образование психолога – это круто. И в опросных беседах тебе нет равных.

Вера опустила голову, пряча улыбку. Шеф не был щедр на похвалу своим сотрудникам, хотя те порой рисковали жизнями.

– Мне кажется, я смогу тебя кое-чему обучить. Ты имеешь еще одно достоинство: как говорят на Востоке, разум новичка – пустой сосуд. Но тебе не хватает практики и ежовых рукавиц.

– Вот как? – Вера сложила перед собой руки, елеинно улыбувшись. – Хочешь поиграть в Пигмалиона? Или ты так сентиментальность проявляешь? Все-таки тебя чему-то научила та недавняя пуля. Неужели стал бояться смерти?

– Да, не сегодня-завтра это повторится, и когда-нибудь меня застрелят. Насмерть. Шучу. – На его лице скользнула трикстерская улыбочка, но он тотчас посерьезнел, его взгляд

потяжелел. – Что, если я захочу кому-то передать свое дело? Кому бы я мог доверить «Детективное бюро Эмиля Герши»?

Он опустил локти на стол, сложил пальцы домиком и приподнял бровь. Всегда так делал, когда был настроен поспорить.

– Не представляю, – улыbnулась Вера.

Она была честна. Таких, как Эмиль, в природе не водилось.

– Тебе.

– Мне? – Она опять невольно расширила глаза.

– Мне что, щелбаны начать раздавать? – Лицо Эмиля вытянулось, и он прикрыл глаза. – Следи за лицом.

– Почему не сестре? – Вера проигнорировала его замечание.

– Зоя зациклена на истероидах. Остальные ей скучны.

– А Юбер?

– Он ленив. Ему неинтересно ловить преступников. Он годен только бумажки перебирать, вовремя оформлять сертификаты и лицензии.

– Но почему я?

– Ты эмпат. А эмпат – теневая сторона паранойяла, самой крупной рыбы среди маньяков! Мало кто знает, что настоящий, чистый эмпат готов загрызть насмерть за добро и справедливость. Ты думаешь, Махатма Ганди, мать Тереза, Жанна д'Арк – это личности, которым было жалко ближнего своего, просто топили за ненасилие? – Эмиль скривил рот. –

Они добивались своих целей с завидной настойчивостью, которая свойственна разве что психопатам.

– Я не такая. – Вера вжала голову в плечи, наблюдая, как у Эмиля загорелись глаза теперь уже недобрым, опасным огнем, а на скулах выступил нездоровый румянец – редкий гость на его лице зомби со стажем.

– Ты дала бы себя убить, чтобы наказали Куаду. Помнишь его?

Вера опустила глаза – ее тотчас швырнуло в неприятные воспоминания.

– Мир не такой, каким нам кажется с первого взгляда. В тебе сидит воин. Его нужно выпустить наружу. – Он откинулся на спинку. – Доказать?

– Не надо, – пискнула Вера.

– Давай представим, что мы сейчас в этом кафе... играем в мафию. Знаешь такую игру? Кстати, ее придумал русский, студент факультета психологии Дмитрий Давыдов. Все здесь присутствующие, эти люди вокруг, которые сидят, пьют, разговаривают, – мирные граждане. Я и ты – шерифы, пара полицейских. И нам осталось вычислить мирного гражданина, подозреваемого в убийстве. Нет, – Эмиль сделал вид, что призадумался, сузив глаза, – подозреваемого в убийстве трех молодых женщин и одного мужчины. Вон посмотри на того, в сером костюме. Что скажешь о нем?

Вера сидела, закусив губу, старательно пытаясь не дать бровям взмыть на лоб.

– Ты не проверишь свой телефон?.. – пролепетала она, теряя последнюю надежду. – Может, Кристоф уже написал, а ты пропустил?

Эмиль машинально схватил айфон, провел большим пальцем по экрану.

– Нет. Итак, что насчет того мужчины в сером костюме?

Вера вжала голову в плечи и обернулась, глянув за спину. Минуту она наблюдала за лысоватым французом с носом-картошкой, сидевшим аккурат за ней. Он что-то весело рассказывал группе молодых людей лет двадцати – двадцати двух. Кажется, это были студенты, а мужчина – их преподаватель. Он говорил о Ролане Барте², рассказывал о седьмой функции языка и постоянно подтягивал рукава легкого льняного пиджака к локтям, ему было жарко.

– Классический эпилептоид, – пробормотала Вера, повернувшись к Эмилю. – Он прямолинеен и топорен в суждениях, не приемлет критики, хотя, кажется, обсуждает с ребятами философию, которая требует гибкости мышления. Сам гибкость не проявляет. Я бы даже сказала, верится с трудом, что он философ.

– Хм, интересно. – Эмиль прикусил костяшку указательного пальца, точно он игрок в покер, а на кону стоял миллион. – Он может быть убийцей трех девушек и одного парня?

– Да. Четыре психотипа способны на убийство – параной-

² Ролан Барт (1915–1980) – французский философ, литературовед, эстетик, семиотик.

ял, шизоид, истероид и эпилептоид, – отчеканила Вера, точно отвечала урок.

– А к какому архетипу ты бы его отнесла?

– Из *твоей* типологии? – спросила она и пожалела об этом, потому что Эмиль тотчас театрально закатил глаза. Все больше он проявлял нервное нетерпение.

– Нет, из типологии Пер-Ноэля!³ – буркнул он.

– Хорошо. Этот похож на... на «очень важный месье». – И Вера не сдержала улыбки. Но Эмиль не заметил.

– А трое парней? Что с ними? – давил он.

Вера прикусила губу и опять украдкой посмотрела за спину, чуть сдвинувшись на стуле.

– Первый – «светлый романтик», из тех, которые витают в облаках, вечно в кого-то влюблены, а если нет, то в поиске музыки, поэты, как Оуэн Уилсон из фильма «Полночь в Париже». Второй – «темный романтик». Такие вечно страдают из-за неразделенной любви, непризнанные гении, которым все вокруг мешает дописать великий шедевр. Он выглядит загруженным, все время поглядывает на ту кудрявую девушку, что за стеклом, не участвуя в общей беседе.

– Третий?

– А третий... – Она посмотрела на парня с длинными ногами, которые не помещались под маленьким столиком. – «Пират». Задира, трикстер. Посмотри, как он спорит с профессором. Он знает: его учитель говорит не потому, что ему

³ Дед Мороз во Франции.

есть что сказать, а потому что красуется. Оба нарциссы и конкурируют друг с другом.

– Кто из троих может быть убийцей?

Вера задержала взгляд на каждом, ощущая, как досада в душе сменяется азартом. Эмиль был отличным манипулятором, и она со своим дипломом психолога из Санкт-Петербургского университета не всегда замечала, как он ловко управляет людьми, а ею – тем более.

– «Темный романтик» – вполне способен на убийство. Он, скорее всего, шизоид, такой молчун... Он может, да. В глазах бездна. И «пират», и «светлый романтик» – тоже. Оба – истероиды. Истероид – человек чувств, образного мышления и бурной фантазии. Такой тип личности способен на убийство из мести и ради шоу. Прости, я не могу перестать пользоваться Леонгардом. Мне эта типизация привычней. Хотя, – она еще немного понаблюдала за «пиратом», – он похож на Джека Воробья с этой своей бородкой.

Эмиль странно хихикнул. Что его так забавляет?

– Окей! Теперь давай поговорим о даме, которая за моей спиной.

– С сумочкой, в бандане с индейским орнаментом, в больших очках, как у профессора Трелони из «Гарри Поттера»?

– Да.

– Бесспорно, тревожный тип. Достаточно глянуть на манеру одеваться – длинная юбка-хиппи, широкие рукава рубашки в такую жару – боится сгореть на солнце? Да к тому

же она вся издергалась. Четыре убийства – не про нее. Она могла бы совершить что-то только по неосторожности.

В этот момент леди с сумочкой уронила пудреницу и присела на корточки – стала собирать осколки и затирать влажной салфеткой пол.

Они еще долго сканировали посетителей, Вера послушно составляла психологические профили, пока люди не закончились. В конце концов она устала и надеялась: может, кто-то выйдет, избавив ее от работы, и боялась, что кто-то явится еще. Эмиль допрашивал ее с пристрастием судьи, сыпля вопросами и слушая с такой внимательностью, будто Вера сдавала важный экзамен.

Наконец она начала подозревать неладное... В кафе за целый час никто не вошел, и никто из него не вышел. Более того, по улице за это время не проехал ни один автомобиль, ни один скутер, не прошел ни один пешеход. Улица, до того шумная, летняя, парижская, вдруг странным образом вымерла. Только сидели прежние посетители на тротуаре и внутри кафе, и все.

– Вот видишь! – Довольный Эмиль с пылающими щеками провел руками по своим лохматым волосам, на секунду открыв высокий лоб, покрытый испариной.

Вера никогда прежде не видела, чтобы Эмиль краснел. Цвет его лица менялся в диапазоне от серых до зеленовато-фиолетовых оттенков. Признаться, некоторое время после знакомства она думала, что ее шеф зомби.

– Ты уже отсеяла кучу подозреваемых и сузила круг! – воскликнул он. – Среди нас шесть потенциальных убийц.

Вера вымученно улыбнулась, продолжая подозревать: что-то не так. Этот блеск в глазах Эмиля, могильная тишина на улице... Она огляделась. Обстановка внутри кафе теперь казалась странно напряженной, да и бармен постоянно что-то ронял и обо что-то стучался. Непринужденно вела себя лишь без умолку болтающая женщина в платье с глубоким декольте. Она сидела у барной стойки рядом с невысоким мужчиной в мотоциклетной куртке нараспашку. Какое-то время Вера слышала лишь ее звонкий голос с певучим окситанским акцентом.

Сердце Веры шумно забилося, отдаваясь глухим гонгом в ушах.

– Играем дальше? – Эмиль вернул ее внимание к себе. – Итак, дьявол в деталях. По моей системе будет эффективней вычислить убийцу. А что... что бы ты сказала, узнав: в этом баре все посетители – не мирные жители, а агенты BRI?

Последнюю фразу он произнес очень громко. Все замерли, прекратив беседу, опустив чашки и бокалы. Дама с сумочкой громко хлопнула застежкой и вынула пистолет. За Верой поднялись трое студентов-философов, в их вытянутых руках оказались три черных «Глока», направленные в сторону барной стойки.

Вдруг мужчина со светлыми волосами и большими зальсинами – тот самый, в черной мотоциклетной куртке, сидев-

ший за барной стойкой рядом с женщиной в платье с глубоким декольте, – подтянулся на руках и перескочил стойку, набросившись на бармена.

– Убью! Назад! – выпалил он. В его руках блеснул револьвер.

Оказавшись в жестких объятиях преступника с огромным «Кольтом», бармен сначала завизжал от страха и даже принялся отбиваться, делая это инстинктивно, но едва ощутил холод оружия у уха, замер, зайдясь мелкой дрожью. На глазах его лицо стало из свекольного бледным, как салфетка, губы слились с мертвенным цветом щек. Казалось, еще чуть-чуть, и он потеряет сознание.

Посетители кафе, все до одного, кроме Веры и Эмиля, наставили на них оружие. Все замерли. Это была немая сцена из «Ревизора», если бы пьесу Гоголя ставил Тарантино или Гай Ричи.

Только сейчас Вера поняла, почему бармен так неловко исполнял свои обязанности. Она думала, он просто относится к тревожному типу. Скорее всего, так оно и было, но из рук у него все валилось от страха: он знал, что в его кафе будут брать опасного преступника, а клиентами в течение этого времени станут агенты из уголовной полиции.

Мужчина в куртке держал револьвер у его уха, глаза у них были навывкате, оба обливались потом. И что теперь делать?

Эмиль вдруг запрыгнул на стул, ветром пронесся по соседним столикам и оказался на стойке. Никто не успел среа-

гировать. Это было страшно опасно и неосмотрительно. Вера зажмурилась, потому что мужчина в куртке наставил оружие на Эмиля и стал палить в него. Раз выстрел, два, три. Кто-то из фальшивых студентов закрыл ее своим телом, прижав к стене. Вера ощутила, как подгибаются колени, – у нее ведь не было бронежилета. И у Эмиля тоже!

Она почти оттолкнула от себя закрывшего ее парня, чтобы видеть, что с шефом.

Тот чудом увернулся от всех выстрелов, резко отскакивая то вправо, то влево. Агенты BRI присели, с потолка посыпались штукатурка и стекло с люстр. Эмиль не дал никому и секунды на размышления, налетел на преступника и заложника сверху, сбил обоих с ног и выкрутил преступнику руку, вырвав из пальцев револьвер. Раздался четвертый выстрел – пуля пробила потолок. Отбросив оружие в сторону, Эмиль саданул нападавшего ладонью под скулой, тут же вскочил на ноги и, приподняв его безвольное тело с болтающейся головой за воротник, заломил за спину обе руки и прижал лицом к столешнице.

В это же мгновение троица студентов, дружно перелетев через барную стойку, навалилась на пойманного. Пара агентов возмущенно орала на Эмиля, который, видимо, действовал по своему усмотрению, кричал бармен, зажав уши руками, рычал и хрипел задержанный. Из целого букета воплей и ругани Вера отчетливо выделила пару щелчков – это были ручки, которые защелкнулись на его запястьях.

– Они меня заставляют, это секта! Я стал жертвой секты! Они меня преследуют! – бессвязно хрипел тот. Видя, что дела его плохи, решил сразу же сочинить себе легенду.

Лысоватый преподаватель философии вынул из-под пиджака рацию, его лицо моментально посерьезнело. Он что-то неразборчиво пробурчал, и рация отозвалась шуршанием. К кафе с визгами подлетела черная угловатая бронемашина с белой надписью «BRI Police», отъехала дверца, и на брусчатку прыгнул Кристоф.

Это был мужчина лет сорока пяти, ужасно похожий на Бельмондо с зачесанными набок светлыми с проседью волосами, серьезным лицом и нахмуренными бровями. Одет просто: в джинсы и легкую черную куртку с закатанными рукавами, из-под воротника на шее выглядывал шрам от застарелого ранения – с виду и не скажешь, что начальник полиции, уже год как назначенный на эту должность. Эмиль частенько помогал ему с особо безнадежными делами. Но не всегда методы племянника нравились дяде. При виде его Эмиль тут же отшагнул от барной стойки и сделал вид, что просто проходил мимо. Ох и достанется ему за то, что решил самостоятельно брать преступника голыми руками, без бронежилета!

– У вас будет минут двадцать по дороге в Префектуру, не больше, – с мрачной усталостью проговорил Кристоф, проходя мимо него, но даже не удостоив взглядом.

Эмиль обернулся к Вере и, довольный, как ребенок, под-

мигнул. Румянец с его лица сошел, кожа обрела привычную зеленоватую белизну зомби, напряжение во взгляде сменилось не менее привычной иронией. Но у Веры едва не зашевелились волосы на голове от странных слов Кристофа.

Они что, поедут на бронемашине с маньяком на борту?

– Уступаю его тебе. – Эмиль похлопал ошеломленную Веру по плечу. У нее подогнулись коленки. – Надеюсь, от страха из головы не вылетело, как контрольные вопросы миксовать с проверочными, а вопросы о здоровье с проективными? Почитай пока.

Он сунул ей свой телефон с включенным экраном, на который был выведен какой-то документ, и двинулся вслед за четырьмя агентами. Те надели на голову преступника мешок и в скрюченном положении повели вон из кафе.

Бедный бармен сидел за стойкой на полу и судорожно вытирал со лба пот под челкой, в его пальцах был сильный тремор, словно у больного Паркинсоном, под задернутой на животе футболкой виднелся бронезилет.

Вера перевела взгляд на даму с сумочкой, которая напомнила ей Сивиллу Трелони. Ничего от профессора астрологии из Хогвартса не осталось и в помине. На глазах та преобразилась: сняла бандану с коротких пушистых волос, огромные очки и со скучающе-равнодушным видом чесала за ухом ручкой своего «Глока». Соблазнительная красотка с декольте обмахивалась картонкой с меню. Ее лицо тоже изменилось – она перестала хлопать глазами и надувать губы, рот

поджался, глаза стали колкими.

Пока агенты разбирались с припаркованным в трех улицах отсюда «Ситроеном» задержанного, в котором, со слов Эмиля, должны были лежать еще один револьвер и лопата, Вера сидела за столиком и судорожно читала с экрана телефона детали дела, ужасаясь, что столько времени провела в одном помещении с настоящим серийным убийцей. Он действительно пристрелил трех женщин и араба. И ей, между прочим, опять не выдали бронежилет!

Они с Эмилем влезли в бронеавтомобиль последними. Внутри было тесно, и преступник сидел, зажатый между двумя агентами, которые крепко держали его под локти. На голове по-прежнему был мешок, а руки сцеплены наручниками сзади. Вера уместилась между Эмилем и Кристофом, напротив преступника. У входа замер спецназовец в черной форме, шлеме и очках. Дуло винтовки направлено вниз, но как бы случайно на колено задержанного.

Дверь закрыли, и бронемашина тронулась. Кристоф знаком велел снять с головы задержанного мешок.

Вера смотрела на него во все глаза, ощущая, как время словно остановилось, замерли люди вокруг и перестали слышаться любые звуки, точно они погрузились на дно морское в батискафе. Она смотрела на мужчину со всклокоченными бесцветными волосами, в которых серебрились седые прядки, вокруг его глаз пролегли морщинки, желтовато-серое, совершенно обычное, ничем не примечательное лицо было

гладко выбрито, под мотоциклетной курткой мокрая от пота футболка голубого цвета. На высоком лбу с залысинами, пересеченном морщинами, бисеринки пота.

Вера вспомнила, как охарактеризовала его тревожно-мнительным, но потом предположила: возможно, в нем есть что-то и от шизоида. Там, в кафе он не смотрел в глаза своей красивой собеседнице, даже на декольте не взглянул ни разу. Больше молчал, давая возможность девушке самой себя уводить в дебри заблуждения. Но он не подозревал, что грудастая дама с окситанским акцентом была агентом уголовной полиции.

Вера смотрела на него, а он – на Веру, как на самый невозможный в этой обстановке объект. Девушка в летнем сарафане в бронемашине, полной полицейских, была совершенно лишней здесь.

– Как вас зовут? – спросила она, хотя уже успела узнать его имя.

Пьер Ландру, год рождения 1974, социальный статус – не женат, работает охранником в больнице Сен-Жозеф.

Вера не ждала, что он заговорит с ней, но ошиблась. В ответ на ее просьбу он тихо назвал свое имя.

– Я вижу, вы удивлены. Девушка, простая посетительница кафе, и вдруг в такой компании. Честно, я сама в шоке от происходящего и попала сюда случайно, – проговорила она, тотчас начав оправдываться. – Я вообще не служу в полиции. Была семейным психологом и год проработала с детьми, под-

ростками... Я и Эмиль Герши занимаемся корпоративным профайлингом. Я-то уж точно! Честно, даже не знала, что в кафе, где мы сидели, затеяна целая операция. На мне даже бронежилета не было. Видите?

Вера нарочно говорила то тихо и боязливо, то пытаюсь, словно ее кто-то заставляет, прибавлять звука. Собеседник, слушая, начал дышать в такт ее дыханию, то медленно, то быстрее, то опять медленно, впадая в легкий транс из-за убавляющего тембра голоса.

подавив желание посмотреть на Эмиля и убедиться, что он доволен тем, как она применила эту тактику, Вера продолжила:

– Позвольте спросить, вы не слишком пострадали?

Казалось, нелепее вопроса не придумать, но задать его было нужно, чтобы расположить к себе. И прием сработал.

– Нет, вовсе нет, – выдохнул тот, как будто против воли, точно не отвечал, а говорил сам с собой.

– Рука не болит? А шея? Детектив Герши был слишком груб, мне кажется. Он спортсмен, имеет седьмой дан по маньчжурскому кунг-фу и не должен был применять против вас болевые приемы.

Пьер Ландру опять не сдержал безотчетного вздоха. Жалость к самому себе была столь велика, что он, кажется, позабыл, как палил из револьверов в людей.

– Я могу спросить: правда, что вы убили шестью выстрелами в голову лаборантку из больницы Сен-Жозеф, Симо-

ну Бланшар, а потом навели полицию на ее напарника, Али Дюрана, которого позже тоже застрелили?

Вера проговорила это на одном дыхании, невольно сделала паузу, но тотчас продолжила:

– Долгое время виновным в смерти считали Али. Но, когда нашли тело Мари Гендуз, зарытое в поле по дороге между Парижем и Мо с точно так же простреленной головой, то поняли: смерти и Бланшара, и Гендуз, и Дюрана – дело рук серийного убийцы. Вырисовывался единый почерк. Мадемуазель Гендуз приходила устраиваться в больницу Сен-Жозеф и исчезла в тот же день. Через два года там же – в поле между Парижем и Мо – была найдена Тамара Биньон, с которой вас видела ее сестра. Вы совершили все эти убийства?

Нужно было поведать историю преступлений одним махом, чтобы сбить с ног подозреваемого. Тоже один из мощнейших приемов в профайлинге, который используют при допросах. В сорока процентах случаев его хватает, чтобы расшатать нервы преступника, которого лоб в лоб сталкивают с его преступными деяниями.

Пьер Ландру молчал, обратив взгляд вниз. Он не мог двигаться, но кусал губы. Он был лишен возможности демонстрировать жесты, но беспокойство пойманного с поличным выдавала игра его розового языка в разрезе тонких сухих губ.

– Вы покупаете машины по поддельным документам?

Молчание. Он прокусил кожу нижней губы и теперь за-

нимался тем, что не давал струйке крови сползти ниже рта, проводя по нему языком.

– Возле могил этих девушек нашли старые «Ситроен ВХ» 1982 года и «Ситроен С1 2012». Это ваши автомобили?

Молчание.

– Пьер Ландру, посмотрите на меня, – попросила Вера. – Все это может быть ошибкой и вы вовсе не виновны? Вы сказали, что дело в некой секте... Какой секте, можете рассказать?

В его лице промелькнула надежда. Вера опять удержалась от того, чтобы посмотреть на Эмиля, мечтая увидеть одобрителный взгляд шефа.

– Скажите, а в больнице Сен-Жозеф вас считают честным человеком? – спросила она, добавив в тон доброжелательности, чуть наклонилась вперед и опустив локти на колени.

– Да, все считают меня хорошим работником. – Его голос для всех прозвучал неожиданно.

Кристоф поменял положение, упершись ладонью в колено, Вера расценила это как интерес. Эмиль задержал дыхание.

– А вы боитесь того, что ваши сотрудники узнают: вас сейчас задержала полиция?

Молчание, взгляд в пол, язык снова подхватил в уголке рта норовивший спуститься к подбородку ручеек крови.

– Вы боитесь, что вас после этого перестанут уважать?

Кивок. Потом он стал мотать головой из стороны в сто-

рону, закрыл глаза, понял, что его поймали на чем-то, чего он сам еще не осознавал. И опять кивнул, сделав это на всякий случай. Он запутался. Вера запутала его вопросами, своим приятным голосом, доверительным тоном, ангелоподобной внешностью. Она его дезориентировала, заставляя что-то отвечать и взаимодействовать, и он повелся на ее уловки, теряя слой за слоем свою броню.

– Эмиль Герши вышел на вас, когда вы упустили очередную жертву, – произнесла она тихо, словно по секрету. Вид у нее был такой, точно ее прислали боги во спасение его грешной души. – Имени я назвать не могу. Но она помогла составить ваш фоторобот, описала поведение и рассказала, что вы возите в бардачке «Кольт». Это так? У вас ведь нашли «Кольт».

Упоминание о фотороботе и о том, что на свободе гуляет упущенная им жертва, довершило начатое. Кожа лица и шеи задержанного на глазах стала белеть – следствие того, что вся кровь от страха прилила к ногам. Даже если бы Пьер Ландру не был связан, он бы не смог сейчас пуститься в бега. Взгляд его остановился, замер на одной точке. Замирание обычно демонтирует тот, кто пойман на лжи или с поличным. Это один из видов демонстрации стресса. Пьер Ландру был классическим шизоидом – а это люди, живущие в неких мирах по своим законам, они чаще являют реакцию на стресс типа «замри».

Настал момент, когда допрашиваемый был наиболее уяз-

вим: вся его вегетатика поплыла, контроль рассыпался, он окончательно растерялся. И Вера решила, что ее звездный час настал. Была не была!

– Пьер, если вы сейчас сознаетесь во всем, то это значительно облегчит вашу участь. Сопротивляться бессмысленно. Вами займется Эмиль Герши, он видит вас насквозь. Среди двух миллионов парижан, по описанию, которое дала ваша последняя жертва, он нашел вас всего лишь за месяц, хотя две первые жертвы были убиты вами в 2009 году. Он нашел вас за месяц. Он заставит вас сказать правду. Это лишь вопрос времени. Посмотрите на меня!

Ее голос стал строгим, и преступник невольно подчинился, стрельнув на нее глазами.

– Это вопрос времени. Он вас расколет.

Лицо задержанного залилось краской. Он стал бордовым, надул щеки и долго сидел, не дыша, словно та маленькая девочка из мультфильма «Гадкий я», которая угрожала, что умрет, перестав дышать, пока не починят ее игрушечного единорога. Так проявлялись сначала гнев, следом отрицание, которое сменилось отчаянием.

– Это моих рук дело... – проронил он. И заплакал.

Бронемашина выплюнула Эмиля и Веру на набережную Сены неподалеку от Лувра прямо в толпу гуляющих. Эмиль усмехнулся, приобнял ее за плечо и слегка потряс. Вера ощущала лишь заложенность в ушах и онемение, точно была во сне. Шум города после тишины звукоизолированной маши-

ны оглушал. Рядом залаяла маленькая собачка, кто-то пронесся на самокате, и Вера вздрогнула, отстраняя Эмиля.

– Ты утерла нос Кристофу! – воскликнул тот. – Видела его лицо? Он не ожидал! Не ожидал, что это сработает. Я же говорил – психопатов растряссти может только эмотивный тип! Но нечестно было пугать маньяка мной. Какой у тебя был взгляд! Ты не из КГБ, случайно? А?

Он опять обнял ее, встряхнув, и засиял, точно начищенный медный таз. Вера молчала, слова застряли у нее в горле, она не знала, за какую из клубка роящихся мыслей взяться, и не могла перестать думать, зачем этот мужчина убил всех тех женщин.

– Он совершал свои убийства, чтобы посмотреть, что будет? – безотчетно пробормотала Вера. Убрав руку Эмиля, она присела на каменный бордюр набережной, но тотчас встала. Возбуждение заставляло колотиться сердце, сбивало дыхание. – Я ведь решила, что он – тревожно-мнительный! Он был похож на Жозефа из «Амели» – из тех бедолаг, которым все сложнее и сложнее с возрастом найти даму сердца и они тушуются при виде любой юбки.

– Зато всех остальных назвала правильно.

– Кого?

– Агентов ВРІ.

– Они что, играли роли?

– Да, я расписал им карточки с характеристиками архетипов, они выбрали себе по одному. Соня, та, что с декольте,

заговаривала нашему клиенту зубы, была «царицей». Но я ею недоволен, она все перепутала и скатилась до «падшего ангела». Гийом играл роль профессора философии – «очень важный месье», но тоже ужасно, ты его чуть не раскусила! Короче, работать и работать...

– Но зачем?

– Во-первых, нужно было взять убийцу без жертв. Во-вторых, я хотел, чтобы их всех протестировал специалист. Надо же когда-то начать это отрабатывать! Поэтому позвал тебя.

Вера в недоумении застыла.

– Они играли роли? Агенты BRI? – повторила она. – Как актеры?

– Как актеры! Мы репетировали. Я лично был режиссером. Пытался, по крайней мере. – Эмиль состряпал серьезное лицо.

– И Кристоф позволил?

– Он прекрасно знает, что это отличный метод... глубоко внутри своего бессознательного. Но делает вид, что вынужден подчиняться префекту.

– А что же они... не сопротивлялись? Не возмущались?

– Им было любопытно.

Вера запустила руки в волосы, повернулась вокруг себя, глядя в индиговое, подсвеченное уличными огнями небо Парижа, наконец выдохнула с облегчением. Вокруг сновали люди, проезжали велосипедисты. Вдали в облаке парка Тюильри горело колесо обозрения, чуть дальше – объятая си-

ним пламенем Эйфелева башня, а совсем рядом музыкант играл на саксофоне одну из мелодий Джо Дассена.

– Вы мне дали его допросить, потому что знали, что он и так расколется? – скривилась она, посмотрев на Эмиля с укоризной.

– Не-ет, – протянул тот с лукавым лицом. – Что ты!

– Ну правда? Он же не такой хитроумный, хоть и убийца. Раз попробовал – не наказали, потом затянуло. И какой почерк – ужас! Стрелял в голову сзади.

– Да, не Ганнибал Лектер. Лишен изящества.

– Кошмар! Зачем он так? Та лаборантка ему отказала, что ли? И он решил ее убить? Скорее всего! Вы бы его сами раскололи.

– Ты залипла на эмоции. Расслабься, все закончилось!

– Свойство эмпада – раскалывать таких, как он. – Вера передразнила шефа.

– Любой преступник довольно быстро тает при виде доброго, отзывчивого человека, проявившего к нему немного сочувствия. Тем более, если это женщина. Типа, «ну мамочка, пожалей меня!». Он был уже готов, когда ты спросила о его самочувствии.

– Серьезно? Боже, это настоящий маньяк... – Вера не могла поверить.

Продолжая обсуждать это маленькое, не лишнее парижского шарма приключение, они перешли дорогу и направились по набережной Эми Сесер в сторону площади Согласия.

сия, чтобы попасть на улицу Л'Эшикье, где в угловом здании, опоясанном рядами ажурных чугунных балкончиков, располагалось бюро детективного агентства.

– Почему ты меня не предупредил?

– Если учиться, то не на полигоне, а прямо в бою.

– А если бы он... набросился на меня и попытался... ну не знаю, укусить?

– Я бы не дал. Я быстрее! У меня же седьмой дан по кунгфу.

– Ты врешь, это был не настоящий маньяк. Может, он тоже играл? Это кто-то из ваших?

– Тут я бы тебя не смог надуть. Ты чуть не раскусила «профессора», а тот когда-то учился на курсах актерского мастерства и всем раздавал советы во время репетиции.

– Брось, не может быть! Нет, он... был достаточно убедителен. Кошмар, Эмиль, не делай так больше!

Татьяна Устинова

Казнить нельзя помиловать

Друг позвонил мне среди ночи и чуть не плакал – ей-богу!.. Они опять поссорились. Они поссорились и теперь опять разводятся. Они разводятся, и теперь уже точно навсегда.

Надо сказать, что они все время ссорятся, поэтому я не очень пугаюсь, кроме того, я достаточно взрослая девочка, чтобы пугаться из-за таких вещей!.. Ну поссорились. Ну разводятся. В первый раз, что ли!.. В последний, что ли!.. А вась совсем не разведутся.

Позевывая, я спросила, что на этот раз.

Я не сразу поняла, что он всерьез перепуган.

«Ты знаешь, случилось что-то совсем плохое. Что-то такое, чего я совсем не понимаю. Нет, раньше тоже все время случалось, и тоже плохое, и я тоже ничего не понимал, но сейчас как-то особенно не понимаю. А она мне не объясняет».

«Нет, ну хорошо, хорошо!.. А из-за чего все началось-то?..»

Да началось не сейчас и даже не вчера. Она все время в плохом настроении и все время какая-то несчастная. А когда не несчастная, то в раздражении. И у раздражения этого

определенных причин нет, но есть одна штука, которая раздражает ее постоянно, – это он!.. Не то чтобы она пришла с работы, а он кругом расставил грязные кофейные чашки и поразбросал носки, и забыл в школе ребенка, и не осведомился у тещи, как ее радикулит (бронхит), и прогулял субботний выезд с тестем на дачу, где уже давно пора поливать (окучивать) и открывать (закрывать) теплицу, чтобы помидоры не погорели (померзли). Все вышеперечисленное он регулярно проделывает, как и большинство мужчин, и в этом смысле ничего не изменилось, он продолжает в том же духе, только раньше она хоть иногда была в хорошем настроении, а нынче все время в плохом. И они все время ссорятся по вечерам, и он потом даже не может вспомнить из-за чего. Собственно, он как-то вообще не может понять из-за чего!..

И вот они опять поссорились, и проссорились весь вечер и полночи, и теперь он звонит и не знает, что делать дальше.

Я осторожно осведомила, может, ей новые туфли хочется, а сказать словами она не может, ибо тонкая натура, а он все никак не догадается про туфли-то, ибо мужчины никогда не могут ни о чем таком догадаться. Мысль о межпланетной катастрофе или третьей мировой войне вполне может прийти им в голову, а вот о новых туфлях – почти никогда не приходит.

«Да нет, – ответил он грустно. – Дело не в туфлях. Я спрашивал. И цветы привозил, и в отпуск на майские слетали, только там тоже все время ссорились, и я не могу вспомнить

из-за чего!..»

Я слушала его потерянный голос в трубке и думала как-то в разные стороны, о новых туфлях, которые мне тоже хочется, о том, что всех жалко и дело плохо, и она, должно быть, просто его разлюбила, а от этого диагноза нет никаких рецептов спасения, и не поможет ничего, о том, что уже скоро на работу, светает почти!.. И вдруг мне в голову пришла ужасная мысль.

Никто не придет назад, понимаете?..

Ничего не вернется, никогда.

Потерять, разломать, не уследить, сделать недовольное лицо, зачитать приговор гораздо проще, чем сохранить, убедить, сделать счастливое лицо и добиться помилования! Несчастливым и нелюбимым вообще быть проще, чем счастливым и любимым, ибо любовь и счастье – большая работа!

И трудно очень.

Нужно как-то ухитриться любить их здесь, и сейчас, и такими, какие они есть. И прикладывать к этому усилия, и не жалеть себя и этих усилий, и никогда не подсчитывать, кто кому больше должен – она ему за то, что зарплату принес, или он ей за то, что ребенка из детского сада забирает!

Трудно, конечно, а что делать?..

И еще я подумала, что уж точно не хочу, чтобы мой любимый, который спит сейчас за стенкой, звонил по ночам чу-

жим людям и говорил с тихим отчаянием, что все пропало!.. А я ведь тоже вполне себе умею делать недовольное лицо и зачитывать приговоры! И я уж точно не хочу, чтобы кто-то его утешал – только я могу утешить его лучше всех!

Утешить, пожалеть, помиловать.

Задеть, обидеть, казнить.

Кое-как попрощавшись с голосом в трубке, я стала варить кофе и жарить омлет – утро наступило, окончательно и безоговорочно. «Час быка» миновал.

И когда он, мой собственный, вылез к завтраку, сонный, недовольный, зевающий и невыспавшийся, я так ухаживала за ним, как будто ему сегодня предстоит, по меньшей мере, битва с драконом.

Он ничего не понял, конечно, ему было весело, и вкусно, и любовно, и на работу мы опоздали!..

Он ничего не понял, зато я в эту ночь поняла как-то на редкость ясно – я не хочу его казнить.

Я хочу, чтоб мы жили долго и счастливо и умерли в один день.

Анна и Сергей Литвиновы

Любовь и диплом

Весна и диплом. Кто придумал, что они приходят вместе? Легкость и скука. Свежесть и пыль. Совершенно несовместимые вещи.

Впрочем, для диплома у Лизы пока есть только папка – эффектная, с «мраморными» разводами и золотой вязью. Ну и множество мыслей в голове – безусловно умных, но, как говорит ее научный руководитель, совершенно бессистемных.

Да и весна, если честно, пока тоже неулловима. Лишь небо стало чуть ярче, и воробьи с каждым днем чирикают все нахальней. Но снегу все равно еще полно, и бабуля выходит к завтраку в шерстяных почти по колени носочках и сердится, что Лиза норовит умчаться в университет без шапки.

– Уже мимозами пахнет, какие могут быть шапки?! – увещевает ее внучка.

Но бабушка неутомима: пугает менингитом или пророчит, что волосы посекутся. И приходится бросать в рюкзак вдобавок к тяжелым карточкам еще и бесполезную шапку.

Карточки – куски плотного картона с цитатами и названиями умных книг – страшная беда. Их Лизе навязала Елена Кирилловна. Железная Ленка. Руководитель дипломного проекта.

Ленка Кирилловна, захоти она, могла бы стать хоть Маргарет Тэтчер, хоть ректором универа: такая она вся сухая, непреклонная, строгая. Однако дослужилась всего лишь до кандидата наук и старшего преподавателя на кафедре рекламы. Хоть и умна. Так умна, что от одного ее присутствия мысли путаются и хочется, словно ты еще школьница, заболеть, а потом выпросить у доброго доктора справку с «двухнедельным освобождением от диплома». Но как ни освободись, а диплом все равно защищать, и от Кирилловны никуда не деться, не просить же, чтобы тебе руководителя заменили. Может, конечно, и заменят, только потом Железная Ленка, она ж все равно будет присутствовать на защите, такое устроит... Вот и приходится позволять, чтобы тебя угнетали. А угнетает Кирилловна профессионально, не хуже злого плантатора из «Хижины дяди Тома». Ты ей, как паинька, букетище роз на Восьмое марта и пожелания любви вкупе со счастьем, а она розы равнодушненько так в сторонку и скрипит:

– Бойтесь данайцев, дары приносящих... Когда первая глава-то будет готова, а, Елизавета?

А какая может быть первая глава, если весь февраль, после сессии, Лиза только раскачивалась, а сейчас, под Восьмое марта, и вовсе появилась тысяча более важных, чем диплом, дел? Надо и новую юбку купить, и волосы подмелировать, и татуировочкой из хны в честь праздника обзавестись, ну и, конечно, согласовать расписание, чтобы и Дим-

ка, и Андрей, и Ник Никыч в обиде не остались, чтобы со всеми успеть повстречаться. Со всеми, кстати, – ничего серьезного, с Ник Никычем – даже до поцелуев дело не дошло, но осаждают ее упорно все трое. И отказывать им, конечно, жаль. Андрюшка – хохмач, хранилище анекдотов. Димка – танцует страстно, как языческий бог. Ну а Ник Никыч из них самый скучный, зато подарки от души дарит – если шейный платочек, так из натурального шелка, если кольцо – то серебряное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.